ЧЕЛОВЕК В РЕЛИГИЯХ МИРА

РЕЛИГИОЗНЫЙ РЕНЕССАНС В СТРАНЕ ВОИНСТВУЮЩЕГО АТЕИЗМА

© 2012

С.М. Климова

Климова Светлана Мушаиловна — доктор философских наук, профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета. Постоянный автор журнала. E-mail: sklimova@bsu.edu.ru

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки РФ Белгородскому государственному национальному исследовательскому университету на 2012 год (№ 6.1239.2011).

В июле 1944 года архиепископ Лука (В.Ф. Войно-Ясенецкий) направил митрополиту Алексию (в то время Местоблюстителю Патриаршего престола[1]) письмо, посвященное проблемам возрождения религиозного сознания в стране, организации церковной жизни, распространению идей православия в различных слоях населения.

Письмо интересно, по крайней мере, по двум причинам.

Во-первых, — фигура автора[2]. Архиепископ Лука — глубоко верующий, истинно православный человек, широко образованный интеллектуал. Одновременно он блестящий практикующий врач, талантливый исследователь, чья деятельность в области медицины была отмечена высокими государственными наградами. Наконец, он гражданин, не скрывающий своих оппозиционных настроений по отношению к существующей власти.

Во-вторых, — историческая ситуация, время создания текста. Примерно за год до написания письма, 4 сентября 1943 года состоялась знаменитая встреча И.В. Сталина[3] с представителями высшего духовенства Русской Православной церкви — Сергием (И.Н. Страгородским), митрополитом Ленинградским и Новгородским Алексием (С.В. Симанским) и экзархом на Украине Николаем (Б.Д. Ярушевичем). На ней высшее советское руководство санкционировало легитимное существование РПЦ в стране. Более того, была предложена государственная помощь по восстановлению и расширению сферы деятельности церкви.

Встреча и реализация “принятых” решений имели поистине судьбоносное значение для церкви и страны в целом. Ее последствия в политической, культурной, социальной и интеллектуально-духовных сферах сказываются и по сей день. Идеи и предложения, изложенные архиепископом Лукой в послании к Алексию, по понятным причинам не могли войти в нормативно-управленческие документы, но, безусловно, навеяны принятыми там решениями, являют собой попытку предложить свою программу их реализации.

Итак, речь идет о двух программах пребывания человека в церкви — государственной и “народно-самоорганизационной”, — в понимании одного из виднейших интеллектуалов Русской Православной церкви того времени.

Стенограммы встречи в архивах мне найти не удалось. Основные сведения почерпнуты из двух известных источников: книги М.А. Поповского[4] и служебной записки Г.Г. Карпова. Но суть и характер беседы очерчиваются достаточно отчетливо. Сталин обрисовал (читай — утвердил) програм-

[1] Митрополит Алексий (Симанский Сергей Владимирович) был избран Патриархом Московским и всея Руси 2 февраля 1945 года.

Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий (1877–1961)

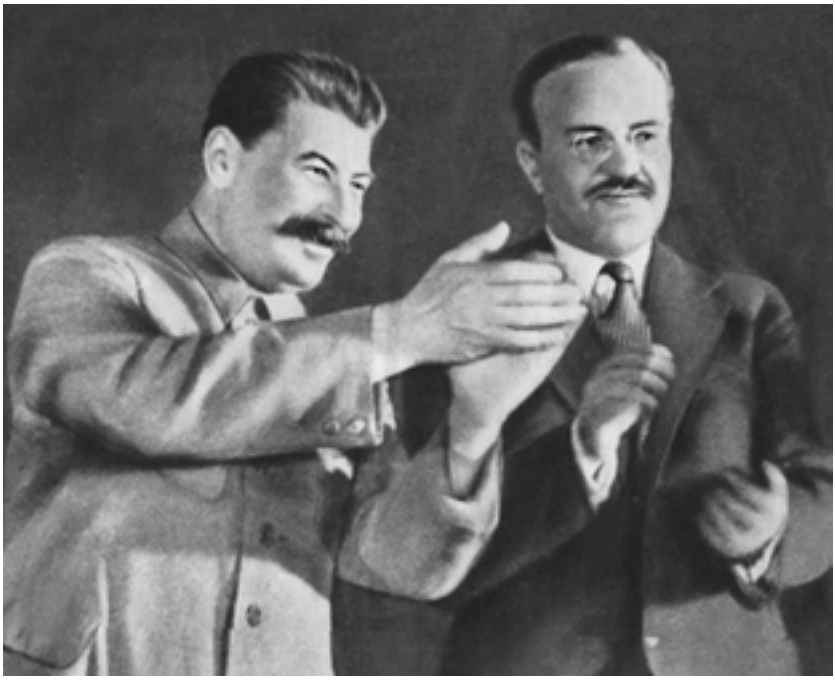
му изменения социально-институционального положения церкви в стране. Судя по всему, предложенные новации выходили за пределы самых смелых инициатив церковных иерархов, что вполне объяснимо десятилетиями предшествующих гонений. Какими ближайшими и долгосрочными политическими целями руководствовался Сталин — это отдельный разговор.
Но вот что бросается в глаза: председатель Совета Народных Комиссаров подошел к делу как опытный администратор, управленец. Он планировал деятельность РПЦ по схеме создания очередного министерства, причем предельно централизованного (как и все остальные ведомства в стране), с наличием привилегий и спецпайков для руководства (без чего немыслима "административная система"). «Вождь даже укорил митрополитов за узость планов, за отсутствие настоящего размаха. "Вам надо создать свой Ватикан, чтобы там и Академия, и библиотека, и типография помещалась, и все другие учреждения, необходимые такой крупной Патриархии, каковой является Патриархия Московская"»[5]. К этим словам, сказанным якобы Сталиным, следует отнестись с осторожностью, поскольку сам М. Поповский указывает на вторичность источника: "Так, по крайней мере, митрополит Алексий, впоследствии Патриарх, рассказывал близкому своему человеку Анатолию Васильевичу Ведерникову, а Ведерников после смерти Алексия автору этих строк". Из записки Г.Г. Карпова становится ясно, что многие предложения шли от самих иерархов. Но видно и другое, что по ключевым вопросам религиозного возрождения они "спасовали" и отказались от предложений, которые, несомненно, могли бы не только усилить институциональное развитие РПЦ, но и способствовать ее духовному возрождению. «Тов. Сталин… спросил, почему они ставят вопрос о богословских курсах, тогда как Правительство может разрешить организацию духовной академии и открытие духовных семинарий во всех епархиях, где это нужно. Митрополит Сергий, а затем еще больше митрополит Алексий сказали, что для открытия духовной академии у них еще очень мало сил

[2] Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий Валентин Феликсович) — доктор медицинских наук (с 1920 года), профессор по оперативной хирургии, лауреат Сталинской премии, присужденной за научный труд "Очерки гнойной хирургии". В духовном сане с 1921 года, монашество принял в 1923 году. Прошел сталинские тюрьмы и лагеря: с 1923 по 1937 год трижды арестовывался, был отправлен в ссылки. Журнал уже обращался к жизни и служению Войно-Ясенецкого. См.: Воробьев С.Л. В.Ф. Войно-Ясенецкий, врач телесный и духовный; Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). Сердце как орган высшего познания (1991. № 6). — *Ред.*

[3] В беседе также принимали участие В.М. Молотов и Г.Г. Карпов. (Карпов Георгий Григорьевич — полковник госбезопасности, начальник 5 отдела НКГБ–МГБ СССР, курировал вопросы религиозной жизни в стране. После упоминаемой встречи назначен Председателем Совета по делам Русской Православной церкви при Правительстве СССР. Примечательно, что в тексте коммюнике для печати, составленном по завершении встречи, фамилия Г.Г. Карпова не упоминалась. Это и понятно: не ровня он вождям и церковным иерархам.)

[4] Поповский М.А. Жизнь и житие святителя Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа и хирурга. СПб., 2002.

[5] Поповский М.А. Указ. соч. С. 374.



И.В. Сталин и В.М. Молотов. Фото из журнала «Иллюстрированная газета. Издание газеты “Правда”». 1940. № 5/6

и нужна соответствующая подготовка, а в отношении семинарий — принимать в них лиц не моложе 18 лет они считают неподходящим по времени и прошлому опыту, зная, что, пока у человека не сложилось определенное мировоззрение, готовить их в качестве пастырей весьма опасно, так как получается большой отсев, и, может быть, в последующем, когда церковь будет иметь соответствующий опыт работы с богословскими курсами, встанет этот вопрос… Тов. Сталин сказал: “Ну, как хотите, это дело ваше, а если хотите богословские курсы, начинайте с них, но Правительство не будет иметь возражений и против открытия семинарий и академий”»[6].

Итак, “Богопоставленный вождь” (традиционное обращение к Сталину Сергия Страгородского) поднял вопрос о церковных кадрах, предложил создать духовную академию, открыть церкви, срочно организовать издательскую деятельность, начать обмен изданиями с зарубежными церквами. Тогда же был решен вопрос и о созыве Собора и избрании будущего Патриарха (прежде всего волновавший иерархов), и вопрос о Совете по делам РПЦ (волновавший советское руководство). Возглавил последний Г.Г. Карпов — руководитель того самого отдела НКВД, который предшествующие годы курировал церковь, в том числе осуществлял репрессии деятелей церкви. Духовно-идеологические вопросы присутствующими не обсуждались. “Встреча оставила у иерархов самые светлые воспоминания”[7].

Программа, предложенная Сталиным, была реализована с молниеносной быстротой. Через четыре дня после достопамятного разговора состоялся Собор русских иерархов, и епископы избрали своего Патриарха. “Тот же собор избрал Священный Синод из шести человек. Членом Синода был избран и Архиепископ Красноярский Лука”[8]. В сентябре 1943 года вышел первый номер “Журнала Московской Патриархии”; 9 ноября 1943 было принято постановление об открытии Православного Богословского института в Москве и Богословско-пасторских двухгодичных курсов; начал издаваться церковный календарь и т.д.

[6] Записка Г.Г. Карпова о приеме И.В. Сталиным иерархов Русской Православной церкви // Одинцов М.И. Русские патриархи XX века. М., 1994.
[7] Поповский М.А. Указ. соч. С. 375.
[8] Там же. С. 376.

Чтобы читателям не показалась преувеличением практика навязывания привилегий и преференций со стороны правительства в отношении иерархов РПЦ, сошлемся на записку Г.Г. Карпова от 27 января 1944 года, направленную на имя В.М Молотова:

"24 января сего года был день рожденья патриарха Московского и всея Руси Сергия, которому исполнилось 77 лет. В этот юбилейный день Сергием был дан обед на 23 человека, на котором его приветствовали представители московского духовенства и личные знакомые патриарха. В тот же день, согласно Ваших указаний, Сергию был передан от Совета подарок общей стоимостью в 28 174 рубля. Подарок состоял из следующих предметов:

а) золотые карманные часы, стоимостью в 14 500 рублей с золотой цепочкой стоимостью в 8 598 рублей;

б) 28 метров плюша зеленого на две рясы, 15 метров черного шелкового репса на рясу и материал на шесть пар нательного белья;

в) коньяк, шампанское, зернистая икра, фрукты.

Кроме того, дан заказ на изготовление 25 метров шелкового бархата зеленого цвета для патриаршей мантии.

Вечером того же дня я лично посетил патриарха Сергия, поздравил его с днем рожденья и вручил указанные выше золотые часы. Сергий был весьма обрадован вниманием, выразил искреннее удовлетворение и просил меня передать Правительству его сердечную благодарность. В последующей беседе Сергий, между прочим, высказал пожелание, чтобы на крышке часов была сделана надпись о подарке от Совета. Мне известно, что последующие дни Сергий все еще находится под впечатлением полученного подарка и среди окружающих его лиц делает восторженные высказывания.

В соответствии с Вашими указаниями Совет по делам РПЦ при Совнаркоме Союза ССР намечает к церковному празднику — пасхе, который состоится 16 апреля сего года, сделать подарки митрополитам Алексию и Николаю — на 10 тысяч рублей каждому и восьми епископам, показавшим себя наиболее активными в патриотической деятельности — по 5 тысяч рублей каждому. В это число предполагается включить: архиепископа Рязанского Алексия, архиепископа Куйбышевского Алексия, архиепископа Смоленского Василия, архиепископа Казанского Андрея, архиепископа Ярославского Иоанна, архиепископа Курского Питирима, архиепископа Ростовского Елевферия и управляющего делами Патриархии протоирея Н.Ф. Колчицкого".

Откровенно подкупались люди, которые обязаны были, по словам Луки: "личным примером глубокой веры и любви ко Христу, исполнением заповедей Его <…> утверждать проповедь нашу".

Будущее и стратегия действий Русской Православной церкви архиепископу Луке виделись по-другому. В своем письме местоблюстителю Алексию он предлагал поднять, оживить религиозную жизнь в стране "снизу", что называется, "пойти в народ", используя возможности, открывшиеся после 4 сентября 1943 года. Вряд ли Лука заблуждался относительно тоталитарной сути режима. Его обращение, несомненно, продиктовано, прежде всего, заботой о нравственно-интеллектуальном облике соотечественников. И потому многие из предложений представляются сегодня утопическими, учитывая время и место. Но думается, он осознанно заострял проблемы, шел, что называется, "ва-банк", руководствуясь не только пониманием необходимости перестройки деятельности церкви, но и надеждой, желанием не упустить открывшийся, пусть малый, шанс. Очень по-человечески.

Прежде чем предоставить слово архиепископу Луке, несколько частных соображений. Ряд тезисов автора не согласуются с нормами гуманистического сознания XXI века.

• «На вопрос, что заменяет для нее религию, она, [врач. — *С.К.*] дала исключительный по глупости ответ: “врачебная этика”». В устах врача, наверняка принимавшего Клятву Гиппократа, замечание выглядит несколько странно.

• “Для людей, головы которых затуманены наукой, вера — очень трудное дело”. Представления о науке как об умственном соре весьма неожиданны для члена научного сообщества.

• В тексте отсутствуют сюжеты, связанные с воспитанием патриотизма, которые напрашиваются в ситуации тяжелой, кровопролитной войны. Тем более, что Лука ежедневно сталкивался с ее последствиями в своей врачебной деятельности.

В целом же письмо архиепископа Луки представляет собой искренний и вместе с тем тщательно продуманный манифест человека, глубоко озабоченного судьбой своего народа, его интеллектуально-духовной жизнью.

Приведем также служебную записку Г.М. Маленкову начальника Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова, сопровождающего письмо архиепископа Луки Местоблюстителю Патриаршего престола Алексию.

“Товарищу Маленкову Г.М.

Направляю вам письмо архиепископа Тамбовского главе Московской епархии, представляющее весьма большой политический интерес. Автор письма архиепископ Тамбовский Лука (Войно-Ясенецкий) доктор медицинских наук, работает главным хирургом в одном из эвакуационных госпиталей гор. Тамбова и хорошо известен Наркомздраву РСФСР.

В своем письме Войно-Ясенецкий выдвигает широкую программу активизации деятельности духовенства и непримиримой борьбы церковников против материализма. Письмо Войно-Ясенецкого показывает насколько далеко идут планы некоторых видных деятелей из духовенства.

Г. Александров,
2.08.1944”.